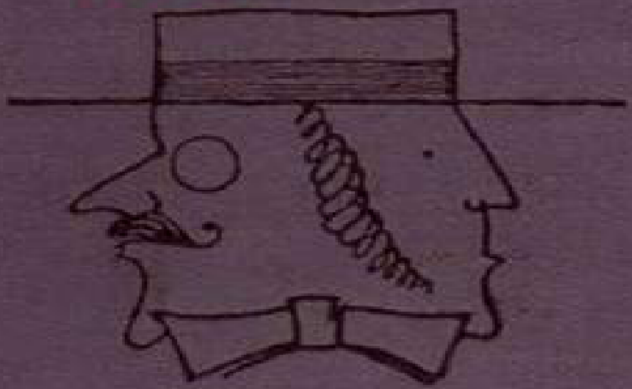
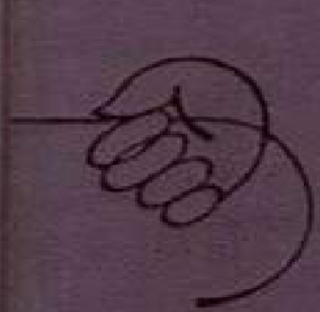
БРЕТ



ГАРТ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Американский писатель Брет Гарт знаменит своими рассказами из жизни золотоискателей в Калифорнии. Рассказы Гарта рисуют с самых разных сторон жизнь старателей и пестрого люда, населявшего Калифорнию в пору золотой лихорадки. Как справедливо отметил Диккенс, писатель имел дело с совершенно новым, до него никому не ведомым материалом, — он открывал для читателя новые типы людей, новые страницы быта, новые пейзажи, еще никем до того не занесенные на бумагу.

- Брет Гарт
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Брет Гарт
Ночь в Уингдэме

Весь день я тупо трясся в почтовой карете, а когда в ночной тьме мы достигли аркадийской деревушки Уингдэм, почувствовал, что дальше ехать не в силах, и выбрался из кареты в крайне мрачном и диспепсическом расположении духа. Это последнее обстоятельство объяснялось тем, что я все еще испытывал гнетущее воздействие пирога с загадочной начинкой и подслащенного раствора углекислоты, который хозяин трактира «На полпути» величал «лимонадом с содовой». Даже проделки бравого почтальона, который знал по имени всех и вся и рассыпал с козел целый фейерверк писем, газет и свертков, ноги которого то и дело приходили в опасное соседство с колесами, когда он с полным хладнокровием соскакивал с подножки и снова на нее вскакивал, пока мы мчались во весь опор, который учтивостью, энергией и неизмеримой дорожной опытностью повергал нас, пассажиров, в завистливое молчание и который в настоящую минуту беседовал сразу с несколькими лицами, занимаясь в то же время еще каким-то делом, — даже это было не в силах заинтересовать меня. И я мрачно стоял, судорожно сжимая свой плед и саквояж, и глядел вслед покатившейся карете: бравый почтальон висел, зацепившись ногой за козлы и прикуривая сигару от трубки бегущего рядом лакея. Потом я повернулся к входу в уингдэмскую гостиницу «Трезвость».

Возможно, дело было в погоде, а возможно, в пироге, но во всяком случае гостиница не произвела на меня благоприятного впечатления. А может быть, роковую роль сыграла вывеска, растянувшаяся во всю длину фасада, с буквой под каждым окном, отчего постояльцы, выглядывавшие из них, имели чрезвычайно нелепый вид. Да и слово «трезвость» всегда ассоциировалось для меня с сухарями и жиденьким чаем. Такую вывеску нельзя было назвать заманчивой. Впрочем, этой гостинице больше всего пошла бы вывеска «Полное воздержание», ибо ничто в ней не пьянило и не чаровало чувства. Ее зодчий, несомненно, был певцом уныния. Величиной она настолько превосходила остальные дома поселка, что уже не казалась уютным убежищем от тьмы и непогоды. Она была по-неприятному новой. В ней еще стоял запах лесной сырости, подперченный сосновым ароматом. Осквернённая, но не покорившаяся природа все еще исходила круглыми липкими слезками смолы на дверных и оконных наличниках. Мне пришло в голову, что жить здесь — все равно

что жить под открытом небом. Когда я вошел, из длинного зала высыпали постояльцы и принялись жевать, курить и нюхать табак, очевидно, чтобы избавиться от какого-то неприятного вкуса во рту. Трое-четверо поспешили устроиться у камина и, закинув ноги на стул соседа, с безмолвной покорностью отдались ощущению тяжести в желудке. Памятуя о давешнем пироге, я отклонил приглашение хозяина поужинать, однако послушно побрел за ним в гостиную. Содержатель гостиницы был великолепным и весьма бородатым образчиком животной натуры. Он напомнил мне не то персонаж, не то строку из какой-то пьесы. И, сидя у огня, я молча пытался сообразить, что бы такое это могло быть, и уже пробирался прихотливыми тропинками памяти в запутанное прошлое, когда в дверях показалась худенькая невысокая женщина и, тяжело опираясь о косяк, позвала усталым голосом:

— Муженек!

Хозяин повернулся к ней, и тут-то перед моим мысленным взором вспыхнуло искомое воспоминание, одна строчка белых стихов. Она гласила: «Две души с единой мыслью, два сердца, что бьются, как одно».

Да, это были Ингомар и Партения[1], его жена. Я тут же придумал трагедии новый финал. Ингомар увез Партению обратно в горы и открыл гостиницу для германцев, обитавших там в значительном числе. Бедняжка Партения преждевременно увяла, выполняя всю черную работу «без прислуги». Она обзавелась двумя «юными варварами»: сыном и дочерью. Она поблекла, но все еще была красива.

Я сидел и беседовал с Ингомаром, который, казалось, чувствовал себя здесь отлично и поведал мне несколько историй в германском духе, одинаково подобающих и этой глуши и этому дому. Как он, Ингомар, убил медведя, настоящее страшилище, и шкура этого, значит, медведя висит теперь над его кроватью. Как он, Ингомар, убил с десяток оленей, а Партения расшила и украсила шкуры — «одежке этой и сносу нет». Как он, Ингомар, убил с десяток «краснокожих», а его самого чуть было не скальпировали. Все это излагалось с простодушием, сугубо извинительным в варваре, хотя грек, кривя губы, и объявил бы это «враньем». И, вспомнив истомленную Партению, я впервые подумал, что ей, пожалуй, следовало бы выйти за старика грека. Тогда бы она по крайней мере хорошо одевалась. Тогда бы она не расхаживала в шерстяном платье, хранящем ароматы всех обедов за минувший год. Тогда бы ей не пришлось прислуживать непричесанной за столом. Тогда бы двое детей не цеплялись грязными ручонками за ее подол, изо дня в день низводя ее все

ниже и ниже. Наверное, столь бессердечные и непристойные мысли внушил мне пирог, так что я поднялся и сообщил Ингомару о своем намерении лечь спать. В сопровождении грозного варвара и пылающей сальной свечки я поднялся на второй этаж в отведенную мне комнату. Это был единственный отдельный номер на всю гостиницу, сообщил он мне, и предназначался для супружеских пар, но так как им еще ни разу никто не воспользовался, то он и был пока меблирован лишь наполовину. И действительно, одна стена была обита сукном, а другая зияла щелями. По комнате гулял ветер, неизменно обрушивающийся на Уингдэм каждую ночь. Оконная рама была явно мала для вмещавшего ее проема и отчаянно стучала. Все в этом помещении наводило уныние и тоску. Перед тем как распрощаться со мной на ночь, Ингомар притащил пресловутую медвежью шкуру и, бросив ее на мрачный одр, возвышавшийся в углу, высказал предположение, что уж теперь-то я не замерзну, а засим пожелал мне спокойного сна. Я разделся, причем свечу задуло в самой середине этой церемонии, забрался под шкуру и попытался уснуть.

Но это мне не удалось. Я слышал, как ветер разгуливал по горному склону, как он раскачивал ветви меланхолических сосен, а затем врывался в дом и стучал во все двери. Иногда сквозняки разметывали мои волосы по подушке, нашептывая что-то невнятное. Смолистые бревенчатые стены, казалось, вот-вот пустят ростки, и даже под шкуру забиралась промозглая сырость. Я чувствовал себя, как Робинзон Крузо, когда он устраивался на ветках своего дерева и втаскивал за собой лестницу, или как младенец из детской песенки[2]. После получасового бодрствования я уже горько сожалел, что остался ночевать в Уингдэме; через три четверти часа я раскаялся в том, что лег спать, а проворочавшись еще пятнадцать минут, встал и оделся. Я помнил, что в большой комнате топился камин. Может быть, он и теперь еще топится? Я открыл дверь и ощупью пробрался по коридору, где слышался храп германцев и свист ночного ветра. Не то спустившись, не то свалившись с лестницы, я наконец добрался до большой комнаты и увидел, что огонь в камине еще горит. Я пододвинул к нему стул, помешал головни носком башмака и, когда они вспыхнули ярче, с удивлением обнаружил, что рядом сидит Партения, покачивая на руках младенца весьма блеклого вида.

Я спросил, почему она полуночничает.

По средам она всегда дожидается прибытия почтовой кареты, а тогда будит мужа и устраивает пассажиров.

А она не устает?

Немножко. Но Эбнер (варвара, оказывается, крестили Эбнером) обещал будущей весной нанять ей прислугу, если дела пойдут хорошо.

Много ли у них постояльцев?

Столуется у них человек сорок, да еще приезжие; этих они пускают столько, сколько по силам обслужить ей и мужу. Но у него-то и кроме того хватает работы.

Какой же?

Ну, он дрова рубит и присматривает за фургонами торговцев.

Давно ли она замужем?

Десятый год. Двое у нее умерло: девочка и мальчик. А трое ничего, живут. Сам он из Иллинойса. А она из Бостона. Училась там. (В «Бостонской высшей женской школе» — геометрия, алгебра, немножко латыни и греческого.) Родители умерли. Приехала в Иллинойс одна, школьной учительницей. Познакомилась с ним… да-да… брак по любви. («Две души» и проч. и проч.) Поженились и уехали в Канзас. А оттуда через прерии в Калифорнию. Всегда подальше от цивилизованных мест. Ему так нравится.

Иногда ей хочется уехать на родину. Из-за детей. Чтобы дать им образование. Она сама их немножко учит, но времени из-за работы не хватает. Надеется, что мальчик пойдет в отца: станет таким же здоровым и сильным. Боится, как бы девочка не пошла в нее. Ей часто приходило в голову, что она не годится в жены пионеру.

Почему?

А она слабая; ей приходилось видеть в Канзасе, что жены его приятелей успевают сделать куда больше работы. Только он-то никогда не ворчал на нее и не жаловался: он очень добрый. («Две души» и проч.)

Я смотрел, как она сидит, задумчиво опустив голову на руку, а другой устало поддерживая жалкого, изможденного младенца, — грязная, неряшливая, измученная, и огненные блики играют на ее лице, уже поблекшем и немолодом, но все еще тонком и одухотворенном, подмечал в ее неопрятном облике черты, говорившие о хорошем рождении и воспитании, и никак не мог восхититься добротой варвара. Заметив мое сочувствие, она осмелела и рассказала, как мало-помалу поборола в себе то, что считала слабостями, привитыми ей воспитанием, но в конце концов обнаружила, что и это не помогает ей справляться с трудностями новой для нее жизни. Рассказала, как, очутившись в пограничной глуши, навлекла на себя ненависть соседок, объявивших ее «гордячкой» и «образованной», и как из-за этого приятели стали смотреть косо на ее возлюбленного супруга.

Рассказала, как он, отчасти повинуясь бродяжническому инстинкту, а отчасти по другим причинам, отправился с ней в Калифорнию. Она описала это невыразимо тягостное путешествие, оставившее после себя самые грустные и унылые воспоминания — только бесконечная однообразная равнина, а на ней небольшая пирамида, сложенная из камней: детская могилка. Она рассказала, как заметила, что маленький Уилли тает с каждым днем. Как сказала об этом Эбнеру, но он, мужчина, конечно, ничего не понимал в детях и только отмахнулся от ее тревог: у него ведь хватало забот со стадом. И вот, когда они проехали Суитуотер, она как-то вечером шла рядом с фургоном, глядела на небо на западе и вдруг услышала, как тихий голосок позвал: «Мама!» Она заглянула в фургон, но Уилли крепко спал, и ей не захотелось его будить. Только еще через несколько минут тот же голосок опять позвал: «Мама!» Тогда она забралась в фургон, наклонилась над ним, почувствовала на лице его дыхание, нежно укрыла его и снова устало зашагала рядом, моля бога о его выздоровлении. И вот она поглядела на небо и снова услышала, как тот же голос сказал: «Мама!» И тут с неба скатилась большая яркая звезда и погасла. Она сразу поняла, что это значит, и бросилась в фургон — только для того, чтобы прижать к своей усталой груди заострившееся холодное личико.

При этих словах она закрыла глаза худыми красными руками и несколько мгновений хранила молчание. Вокруг дома завывал ветер и отчаянно ломился в дверь, а из соседней комнаты, где на своем ложе из шкур почивал Ингомар, доносилось мирное похрапывание.

Но, конечно, храбрость и сила ее мужа всегда служили ей надежной защитой от оскорблений и обид?

О да! Когда Ингомар с ней, она ничего не боится. Но только она очень нервная и один раз страшно перепугалась.

Как же это произошло?

Они только что приехали в Калифорнию. Тогда они держали трактир и торговали спиртным. Ингомар — человек очень общительный и пил со всеми посетителями, чтобы не прослыть гордецом, да и торговля так шла бойчее; только Ингомар пристрастился к спиртному, а голова-то у него была не очень крепкая. И вот как-то вечером в буфете собралась буйная компания; она зашла туда и попробовала увести мужа, но ей только пришлось терпеть грубые ухаживания пьяных весельчаков. А когда она наконец увела его к ним в спальню, где ждали испуганные дети, он сразу повалился на кровать в тяжелом оцепенении, так что она даже подумала, что ему в вино что-то подсыпали. И она просидела с ним рядом всю ночь, а под утро

услышала в коридоре шаги и, посмотрев па дверь, увидела, как щеколда медленно заходила вверх-вниз, словно кто-то пытался ее открыть. Она стала будить мужа, трясти его за плечи, а он не просыпался. Дверь начала медленно подаваться в верхней своей части (снизу-то был еще засов), словно на нее кто-то навалился всем телом, и в щель просунулась рука. И тут она во мгновение ока пригвоздила эту руку к стене ножницами (своим единственным оружием). Но кончик сломался, и неизвестный страшно выругался и сбежал. А мужу она ничего не рассказала, потому что боялась, как бы он не убил этого человека; но только у них здесь как-то остановился проезжий, а она подавала ему кофе и увидела у него на тыльной стороне руки странный такой треугольный шрам.

Она все еще рассказывала, а ветер все еще выл, и Ингомар все еще храпел на своем ложе из шкур, как вдруг с дальнего конца незастроенной улицы донесся крик, застучали копыта, загремели колеса. Прибыла почтовая карета. Партения с блеклым младенцем на руках бросилась будить Ингомара, и сразу же передо мной возник бравый почтальон, назвал меня по имени и предложил хлебнуть из таинственной темной бутылки. Лошадей скоро напоили, бравый почтальон вручил пакеты, и, попрощавшись с Партенией, я забрался в карету и тут же уснул, чтобы увидеть во сне, как я приезжаю в гости к Партении и Ингомару и как меня усердно потчуют пирогом, что продолжалось, пока я не проснулся на следующее утро уже в Сакраменто. Иной раз мне кажется, что все это было кошмаром, навеянным тяжестью в желудке, но стоит мне побывать на этой трагедии и услышать благородные излияния относительно «двух душ» и прочее, как я сразу вспоминаю Уингдэм и бедняжку Партению.

notes

Примечания

1

Главные действующие лица немецкой пьесы «Варвар Ингомар», которая пользовалась в Америке большим успехом.

2

Имеется в виду английская колыбельная песня «Спи, мой маленький, на верхушке дерева».